

А.Е. Пресняков

Люди смутного времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Е. Пресняков**
Люди смутного времени / А.Е. Пресняков – М.: Книга по Требованию, 2015. – 76 с.

ISBN 978-5-518-00886-1

ISBN 978-5-518-00886-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Задумавъ дать своимъ читателямъ „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ и портретахъ“, редація „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія“ поставлена въ необходимость начать эту серію съ Смутнаго времени, такъ какъ, только начиная съ этой эпохи, имѣются болѣе или менѣе достовѣрные портреты нашихъ историческихъ дѣятелей.

Портреты Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Гермогена и Филарета взяты изъ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ рукописи: „Монархія Великаго Россійскаго царствія, великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ корень изъиде отъ превисочайшаго цесарскаго престола и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго Августа Кесаря обладающаго всею вселенною“ (составлена была эта рукопись въ 1672 году.) Портреты Самозванца, Марины Мнишекъ, Михаила Скопина Шуйскаго и Жолѣвскаго заимствованы изъ книги Ровинскаго: „Матерьялы для русской иконографіи“. Оба фантастическихкія изображенія Самозванца воспроизведены со старинныхъ гравюръ. При выборѣ портретовъ редація руководилась ихъ художественнымъ или историческимъ значеніемъ. Вотъ почему, воспроизводи на ряду съ дѣйствительными портретами Самозванца его фантастическія изображенія, возникшія уже въ XVII вѣкѣ, пришлось отказаться отъ мысли дать портреты Палицына, Минина, Пожарскаго и др.; наиболѣе раннія изображенія всѣхъ этихъ лицъ существуютъ лишь въ произведеніяхъ художниковъ начала XIX вѣка, облекающихъ ихъ въ ложно-классическіе костюмы, — произведенія, по своей фальши и фантастичности даже не характерныхъ для данной эпохи.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

А. Е. Прѣслякова.

Въ два столѣтїя—XIV-е и XV-е—незначительное Московское удѣльное княжество выросло въ обширное Московское государство, объединившее всю Великороссїю. Въ XVI в. ближїе и дальнїе сосѣди увидали въ Москвитин сильное и обширное государство, побѣдоносно справившееся съ поволжскими татарскими царствами, перекрывшее свою власть въ Сибирь, опаснаго врага и желаннаго союзника для западныхъ сосѣдей. Въ международныхъ отношенїяхъ политическіе дѣятели Западной Европы стали считаться съ новой силой, имѣвшей непобѣдимое значенїе какъ въ борьбѣ сѣверныхъ державъ за господство на Балтїйскомъ морѣ, такъ и въ народившемся Восточномъ вопросѣ, борьбѣ христіанскихъ государствъ съ европейскимъ могуществомъ Турціи.

Но вышнее политическое значенїе казавшагося такимъ сильнымъ молодого государства было куплено дорогою цѣною немовѣрнаго напряженїя народныхъ силъ въ борьбѣ за свою самостоятельность противъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ сосѣдей, и напряженїе это нарушило внутреннюю крѣпость и равновѣсіе народныхъ силъ и средствъ. Въ XVII-й вѣкъ Московское государство переходитъ въ состоянїи глубокой внутренней Смуты. Дальнѣйшая исторїя показала, что эта Смута—только кризисъ, пережитый богатыми жизненными силами народнымъ организмомъ. Но кризисъ настолько болѣзненный и тяжелый, что заслужилъ отъ современниковъ названїе «великой разрухи».

Причины Смуты коренились глубоко въ самомъ строѣ Московскаго государства XVI вѣка. Въ ихъ основѣ лежало противорѣчіе между цѣлями, которыя должно было преслѣдовать правительство, и средствами, какими оно располагало. Въ странѣ, слабо развитой въ экономическомъ отношенїи и сравнительно очень рѣдко населенной, создать достаточную крѣпость государственной самообороны, при сложныхъ международныхъ отношенїяхъ, было возможно только съ большимъ трудомъ, и притомъ сосредоточивая въ распоряженїи правительства всѣ средства и силы народныя. Оно и борется въ XVI в. за установленїе безусловной власти, сокрушая всѣ исторически сложившіяся частныя и мѣстные авторитеты, какими отчасти оставались въ своихъ вотчинахъ потомки удѣльныхъ князей, бояре-князата. Привилегїи, какими пользовалась эта древне-русская родовая аристократїя, претендовавшая, по мѣстнымъ обычаямъ, на нервную роль въ управленїи и въ царской думѣ, а по удѣльнымъ понятїямъ о землевладѣнїи—на подчиненїе себѣ въ дѣлѣ суда, расправы и военной службы населенїя своихъ вотчинъ, были сломлены бурей опричнины Грознаго. Уничтожая въ бо-

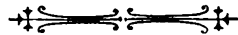
ирствѣ старое и привычное орудїе своей власти, старую и привычную опору своей военной силы, Московское правительство одновременно создаетъ взаимнѣ новую администрацію и новое войско, администрацію приказовъ и войско служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ и дворянъ. Въ этомъ классѣ, вершину котораго составила новая придворная знать, сильная не родовитостью, а высокими служебными положенїемъ и царскою милостью,—ищеть опоры царская власть. Этотъ классъ оно стремится обезнечить помѣстьями и крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, постепенно сводя на нѣтъ крестьянскую свободу и допуская закабаленїе крестьянъ помѣщикамъ. Но интересы помѣщиковъ часто противорѣчили интересамъ казны: дѣлились съ служилыми людьми доходомъ съ крестьянскаго труда, она рисковала потерять источникъ своей финансовой системы при разоренїи крестьянъ поборами и при обращенїи ихъ въ холоповъ, податей не платившихъ. Къ тому же потребность колонизировать Поволжье и южныя области, на югъ отъ Оки, заставляла правительство покровительствовать переселенїемъ земледѣльцевъ на новыя «украинныя» земли, паперекоръ и выгоды служилыхъ землевладѣльцевъ и податной несправности тяглаго крестьянства. Переселенческое движенїе вызвало сильный отливъ населенїя изъ центральныхъ областей, что довело ихъ до тяжелаго сѣльско-хозяйственнаго кризиса.

Такъ, къ концу XVI в. Московское государство находилось въ періодѣ перестройки своихъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношенїй, въ критическомъ состоянїи всего своего строя. Сложный историческій процессъ вызвалъ глубокое броженїе и въ сознанїи русскаго общества. Столкновенїе противоположныхъ интересовъ, до-вѣзшая обострившаяся и значительно усиленное нервно-торопливыми и кроваво-жестокими дѣйствїями Грознаго, привело къ двумъ главнымъ послѣдствїямъ: паденїю правительственнаго авторитета, когда царь Иванъ «смяте люди вся» тѣмъ, что «всю землю яко сѣкирою на поля разсѣче» (на опричнину и земщину), и къ сознанїю каждымъ общественнымъ классомъ своихъ особыхъ интересовъ, ярко связавшемуся въ ихъ борьбѣ послѣ паденїя династїи Гюрьковичей. А это совпаденїе самаго остраго момента общаго соціально-политическаго кризиса съ прекращенїемъ династїи было послѣднимъ толчкомъ къ Смутѣ. Началась она сверху, борьбою разнородныхъ партїй за престолъ, борьбою, которая не дала Гюргію Годунову укрѣпить натаптующїйся порядокъ на тѣхъ же основахъ, какія заложены были въ XVI в. Выдвинутый личными соперниками Годунова, первый Лежидимтрїй побѣдилъ, въ сущности, при поддержкѣ низшаго слоя населенїя, недовольнаго моско-

ской политикой, и родовитой знати, охотно примкнувшей опричнику-Годунову, увлекала за собою и служилых людей, в это время еще не сплотившихся в особую политическую партию. Реакционная—в историческом смысле этого слова—партия княжеской аристократии свергла Самозванца и захватила власть в свои руки при Шуйскомъ. Но противъ нея поднимаются другія общественныя группы: закрепощаемое холопство и крестьянство, за которымъ стоитъ плоть отъ плоти его—козачество, подъ начальствомъ Ивана Болотникова, и враги бояръ, служилые люди, съ Ирокопиемъ Ляпуновымъ. Разыгравшаяся социальная борьба довела государство до полного разрушенія и до вмѣшательства въ судьбы Московскаго государства сосѣдей (Жолкѣвскій). Международныя осложненія ставятъ передъ этимъ государствомъ новую задачу: одновременно преодолѣть внутреннюю смуту и организовать національную самооборону. Послѣ крупныхъ, но неудавшихся попытокъ въ этомъ направленіи, связанныхъ съ именами Скопина-Шуйскаго, Гермогена, Ляпунова и отчасти Филарета, поднимаются съ большою энергіей на защиту государственной самостоятельности и внутреннего порядка средніе классы, служилые и торговые люди, по почину Саввы Ефимьска и Минина, и подъ руководствомъ Минина и Пожарскаго счастливо рѣшаютъ свою сложную историческую задачу.

Эта задача—возрожденія государственнаго порядка, въ конецъ разрушеннаго смутой, и защиты родины отъ ослепшаго ее внѣшняго врага—была разрѣшена путемъ содержа-

тельнаго политическаго творчества. Смутное время было поворотнымъ моментомъ въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ. До него—подъ этимъ именемъ разумѣлись простыя совѣщанія московскаго правительства съ собственными агентами, созываемыми не по народному избранію и довѣрію, а по должностному, служебному положенію. Въ 1612 г. кн. Пожарскій созываетъ не такой «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ выбранныхъ населеніемъ земскихъ представителей всѣхъ сословій. Этотъ «совѣтъ всея земли» былъ признанъ не только всею страной, но и шведами, которые начали съ нимъ переговоры, какъ съ носителемъ верховной власти. Земскій соборъ избралъ на царство Михаила Романова и сохранилъ въ полной мѣрѣ свое значеніе, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда всѣ дѣла рѣшались царскимъ указомъ по всей земли приговору. Но по возвращеніи Филарета изъ польскаго плѣна положеніе собора начинаетъ измѣняться. Политика патриарха, правившаго государствомъ отъ имени сына, кладетъ прочное основаніе возстановленію порядковъ приказнаго управленія и основаннаго на закрепощеніи всѣхъ сословій общественнаго строя. Торжество этихъ порядковъ и этого строя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ естественно сопровождалось исчезновеніемъ земскихъ соборовъ, когда они попытались вступить въ борьбу съ возродившейся въ новой силѣ приказной, бюрократической средой, ставшей «средостѣпиемъ» между властью и обществомъ, и «инстинктивно—по выраженію проф. Платонова—потянулись къ тому, что называется законодательной инициативой».

Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ.

Изъ „Очерковъ исторіи Смуты“ проф. С. Θ. ПЛАТОНОВА.

Въ началѣ великой исторической эпохи Смутнаго времени во главѣ правленія Московскимъ государствомъ стоялъ Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ. Родился онъ около 1551 г. и принадлежалъ къ роду, который происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, выѣхавшаго изъ орды на службу къ Іоанну Даниловичу Калитѣ (1330 г.). Родъ Годуновыхъ сравнительно высоко стоялъ по мѣстническимъ боярскимъ счетамъ. Самъ Борисъ началъ службу при особѣ царя Іоанна Грознаго: въ 1510 г. состоялъ при царскомъ саадакѣ (дукѣ и колчанѣ со стрѣлами). Женитба на дочери царскаго любимца, Григорія Лукьяновича Малюты-Скуратова, Маріи, должна была укрѣпить его придворное положеніе тѣмъ болѣе, что и служилъ онъ въ опричнинѣ. Въ 1580 г. царь Іоаннъ выбралъ сестру Бориса, Ирину, въ невѣсты сыну своему, царевичу Θεодору, а Борису было тогда сказано боярство. Но ни при жизни царя Іоанна, ни въ первое время послѣ его кончины, Годуновъ не игралъ видной роли, отступая на второй планъ передъ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ (Захарьиннымъ). Въ первые мѣсяцы по смерти Грознаго (18 марта 1584 г.) Н. Р. Юрьевъ и былъ настоящимъ руководителемъ царя Θεодора и всего государственнаго правленія.

Но уже въ августѣ 1584 года болѣзнь лишила Никиту Романовича силъ, а въ апрѣлѣ 1585 года свела его въ могилу. Передъ смертью онъ вѣрилъ Борису попеченіе о своей семьѣ и взялъ съ него клятву на вѣрность «авѣщательному союзу дружбы» съ молодыми Романовыми; Борисъ сталъ во главѣ боярскаго круга, имѣвшаго главное вліяніе въ царскомъ дворцѣ, и, поддержанный этимъ кругомъ, оспаривалъ всѣхъ соперниковъ. Сперва пострадалъ Головинъ, потомъ испыталъ царскую опалу старѣйшій изъ бояръ Н. Θ. Мстиславскій. Одни Шуйскіе продолжали противиться Годунову—и въ 1587 г. боярская ссора была вынесена изъ дворца: въ Москвѣ произошло улочное движеніе, направленное противъ господства Годуновыхъ. Это было очень крупное дѣло, захватившее всѣ слои московскаго населенія, отъ митрополита Діонисія и знатныхъ бояръ до простыхъ служилыхъ людей и торговаго посадскаго люда. Царю билъ челомъ, чтобы онъ всю землю своей царской державы пожаловалъ: принялъ бы, ради царскаго чадородія, второй бракъ, а царичу перваго брака, Ирину Θεодоровну, отпустилъ бы въ иноческій чинъ. Движеніе это не удалось и повлекло за собой большой розыскъ: главными виновниками были признаны Шуйскіе. Ихъ вмѣстѣ съ сообщниками разослали въ ссылку, а имущество конфисковали. Къ лѣту 1587 г. Годуновъ сталъ силь-

Царъ Іоаннъ Іоанновичъ

Король Феодоръ Ивановичъ
Іоанновичъ

пѣйшимъ человѣкомъ во дворцѣ и государствѣ. Онъ титуловался «начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества», а потомъ развилъ этотъ титулъ въ пышную официальную формулу: «царскій шурина и правитель, слуга и конюшій бояринъ, и дворовый воевода, и содержатель великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго», причемъ послы объясняли иностранцамъ, что великія государства, Астрахань и царство Казанское, дѣйствительно даны въ обдержанье царскаго величества шурина, и что онъ стоитъ выше всѣхъ царей и царевичей, и королевичей и государскихъ дѣтей, которые великому государю служатъ.

Выражая титуломъ и словесными объясненіями мысль о томъ, что Борисъ стоитъ внѣ обычнаго порядка московскихъ служебныхъ отношеній и руководитъ имъ сверху, какъ правитель, московское правительство, руководимое Борисомъ, позаботилось выразить ту же мысль и дѣломъ. Въ 1588—89 гг. Борисъ побудилъ царя постановить съ боярами рядъ приговоровъ, для него чрезвычайно важныхъ: ему предоставлено было право участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными дворами въ качествѣ высшаго правительственнаго лица, отъ собственнаго имени, и въ Носольскомъ приказѣ заведены особыя «книги, а въ нихъ писаны ссылки царскаго величества шурина» съ иностранными правительствами. Эти приговоры превратили Бориса въ регента государства. А сложный этикетъ, введенный имъ при собственномъ «дворѣ», и окончательно закрѣпилъ за нимъ исключительное правительственное положеніе. Иностранцы послы, прѣзжавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою торжественностью. Церемонія ихъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, представленія Борису, отпуска и посылки отъ Бориса «кормить» посламъ была точною копіею царскихъ пріемовъ. Борису «являли» пословъ его люди: встрѣчалъ на лѣстницѣ «дворецкой» Богданъ Цвановъ, въ комнату вводилъ «казначей» Десятый Аонасьевъ, въ комнату сидѣли «отборные немногіе люди въ парядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чѣпкахъ золотыхъ», остальные же стояли «отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по сѣнямъ и въ передней избѣ». Послы приносили Борису попки и величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и «пресвѣтлымъ величествомъ». Самое обращеніе пословъ къ Борису официально разсматривалось какъ челобитье «съ великимъ прошеніемъ», чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, и дѣло это дѣлалось «по повелѣнію великаго государя, а по приказу царскаго величества шурина». Словомъ, всѣмъ давалось понять, что Борисъ есть истинный носитель власти въ Москвѣ. Последнее десятилѣтіе царствованія Θεодора Иоанновича, такимъ образомъ, было временемъ формальнаго правленія Бориса, а не только его придворнаго фавора. Такъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. «Властодержавное правительство» Бориса было узаконено и оформлено. Тѣмъ, кто не былъ доволенъ усилѣніемъ «правителя», оставалось лишь негодовать на него и тайно его осуждать. Явная борьба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ средствъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. Боярство не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій 1585 и 1587 годовъ, и Борисъ безраздѣльно «правилъ землею рукою великаго государя». Однако, если бы придворное его вліяніе было слѣдствіемъ только ловкой интриги и угодишества, если бы оно не опиралось на большой правительственный талантъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ со-

мнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума не отрицали даже его враги. А всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панегирики талантамъ Бориса. Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденій. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была поставлена рака съ мощами царевича Дмитрія, и когда правительство Шуйскаго объявило, что царевичъ Дмитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріиѣлъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Борису святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріиавшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усомниться въ томъ, что говорило «житіе» царевича, и что онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Но житіи царевича Дмитрія пронеслись пазъ повѣсти о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, политическаго памфлета, составленнаго въ 1606 г. преданнымъ Шуйскому авторомъ. Знаменательны и важны для историка двѣ особенности въ изложеніи дѣлъ Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII вѣка: во-первыхъ, они всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Дмитрія, а, во-вторыхъ, они всѣ славятъ Бориса какъ человѣка и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно по красивой антитезѣ добродѣтелей Бориса, создающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбія, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ. Притомъ сказанія, осуждающія Бориса, не умѣютъ согласно передать обстоятельство убійства Дмитрія и заключаютъ не мало противорѣчій, а наиболѣе враждебныя и явно клеветуцкія, приписывая Борису поджогъ Москвы въ 1591 г., отравленіе царя Θεодора и дочери его Θεодосіи. Малая историческая цѣнность житій и прочихъ сказаній объ убійствѣ царевича даетъ право устранить совсемъ углицкій эпизодъ 1591 года изъ нашей рѣчи о возвышеніи Бориса. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ временъ, совершенно ясно, что въ исторіи Годунова до его воцаренія углицкія происшествія играли очень малую роль. Смерть царевича, законность котораго, какъ сына едва ли не седьмой жены Прознаго, была спорной, не ведетъ къ какимъ-либо замѣтнымъ шагамъ, не мѣняетъ его позиціи, какъ раньше существованіе этого государева брата съ его роднею не мѣшало Борису добиваться исключительнаго положенія у власти. Пока не нунецъ былъ слухъ о томъ, что царевичъ Дмитрій избѣжалъ смерти, кончина его мало кому была памятна. Въ свое время посудили о ней, даже заподозрѣли въ ней руку Бориса, но и предали дѣло забвенію. Не убійствѣ царевича Дмитрія, а болѣзни и смерти царевны Θεодосіи Θεодоровны, послѣдовавшей 25 января 1594 года, открыли Борису путь къ престолу. Конецъ династіи сталъ явентъ, и Годуновъ, нблюдя постепенное угасаніе жизненныхъ силъ «извѣстнаго» царя, готовился къ немѣлжакой развязкѣ. Къ этому времени отпосителъ любопытное осложненіе этикета при «дворѣ» и «дѣланіи шурина. Если не ошибаемся, не позднѣе 1595 г. а рѣчь имѣемъ. Борисъ начинаетъ упоминается имѣ его сына, а съ тѣмъ Θεодоръ Борисовичъ показывается какъ дѣйствующее лицо въ

церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарокъ шаху, Феодоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Феодоръ Борисовичъ встрѣчаетъ царскаго посла «среди сѣней», даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ привлеченіи мальчика въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова: задолго до воцаренія онъ уже намѣренъ былъ видѣть въ сынѣ преемника своего положенія и власти, возможнаго продолжателя «царскаго кореня». Годунову открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого опередить себя! А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть пріятно, и они, съ своей стороны, принимали мѣры. Есть извѣстія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимилиана. Но Москва—въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія. Все было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Иривою, должны были сохраниться права на власть, и никто не звалъ, пожелаетъ ли она ими воспользоваться, или нѣтъ. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Феодора Борисъ такъ хорошо владелъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія.

Въ Крещеньевъ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государетвахъ его царствія осталась государынею его супруга Ирина Феодоровна, которой тотчасъ же весь «царскій синклитъ», съ ея братомъ правителемъ Борисомъ во главѣ, принесли присягу въ присутствіи патриарха. Но Ирина, мучимая сознаніемъ, что ея единою «царскій корень конецъ пріять», не пожелала остаться на престолѣ и ушла въ монастырь. Въ Москвѣ открылось междоцарствіе, и началось исканіе царя. Официальное обсужденіе вопроса было отложено до «сорочинъ» по усопшемъ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпкою дисциплиною.

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого чрезъ нихъ не выпуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ изѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторить, по поводу избранія Годунова въ царя, старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патриарха Іова прежними историками. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 г., какъ на грубую комедію, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на игрушку въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ формаленъ и правиленъ. Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, съ значительной полнотою представительства, но «представительства по служебному положенію, а не по общественному довѣрію»: масса представителей являлась на соборъ въ силу своего должностнаго положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій. Подобное представительное собраніе—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества—все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ настроеній и

мнѣній. Если мы удостоимся въ томъ, что соборъ 1598 года сознательно и свободно высказался въ пользу избранія именно Бориса, мы должны будемъ считать его позволеніе на престолъ законнымъ и правильнымъ актомъ пародной воли. Съ формальной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормальномъ составѣ, руководимый патриархомъ, единогласно нарекъ Годунова царемъ и многократными просьбами и настояніями вынудилъ его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ теченіе весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походъ противъ татаръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность утвержденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которой соборное избраніе опять-таки представлено было единодушнымъ и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на этой грамотѣ, свидѣлствуютъ намъ, что грамота эта была не своевольною поддѣлкою «лукавыхъ рабителей» Бориса, а дѣйствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что официальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которые обеспечивали избранію непререкаемую законность. Частныя московскія извѣстія также говорятъ о томъ, что Борисъ былъ избранъ единодушно, съ одной стороны, потому, что народъ видѣлъ его разумное правленіе, а съ другой, потому, что онъ умѣлъ устроить свое избраніе, однихъ улаживая, другихъ подкупивъ, третьихъ застрашавъ. Извѣстія иностранныхъ—польскія и нѣмецкія по преимуществу—даютъ, однако, интересныя свѣдѣнія о происходившей избирательной борьбѣ. Главными противниками Годунова были Романовы и Богданъ Бѣльскій. Последній мало имѣлъ значенія, и борьба за престолъ шла, главнымъ образомъ, между Борисомъ Годуновымъ и Феодоромъ Никитичемъ Романовымъ. Романовы стояли высоко и твердо въ средѣ московскихъ бояръ сложеною и многочисленною семьею, вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по родству и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни, они должны были считать себя ближе къ престолу и династіи, чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою семьею. Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому суждено наследовать царское достоинство, противопоставленіе Романовыхъ и Годуновыхъ стало неизбежно и должно было вести къ разрыву старой дружбы. Опора Романовыхъ была въ придворной знати, и потому самый составъ собора 1598 г., на который прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ—тѣ средніе слои общества, въ которыхъ Борисъ былъ популяренъ, слѣдуетъ, разсуждая отвѣченно, признать мало благоприятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благоприятнымъ, чѣмъ для Романовыхъ. И если соборъ отдалъ въпецъ Борису—то потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить.

Но борьба за престолъ велась не только въ первыя недѣли послѣ кончины Феодора, но и въ продолженіе всей весны 1598 г., уже послѣ того, какъ Борисъ былъ нареченъ царемъ. Когда не удалось направить выборъ земскаго собора на другое лицо, помимо Годунова, противники Бориса вспомнили о существованіи бывшаго когда-то во власти «великаго князя всей Руси» Симеона Бекбулатовича, «земскаго» правителя во время опричнины, и выдвинули его имя противъ Бориса. Послѣдствіемъ этой интриги была новая редакция присяги на вѣрность Борису: въ текстъ ея было вставлено обязательство не хотѣть на царство «царя» Симеона Бекбулатовича. Опаснѣе было другое орудіе агитаціи противъ Годунова: попытка обвин-

нить его въ смерти царевича Дмитрія. Въ 1598 году появился рассказ, совершенно псевдоисторичный по фактамъ, но очень важный для характеристики минуты, обвинившій Бориса въ томъ, что онъ измѣною убилъ Дмитрія, а великаго князя отравилъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ ссорѣ изъ-за этихъ обвиненій, Феодоръ Романовъ будто бы бросился на Годунова съ пожомъ, но его не допустили. Тотъ же рассказъ обвинялъ Бориса въ нацѣреніи, если его не изберутъ въ царя, выдать за Дмитрія какого-то своего друга, во всемъ очень похожаго на Дмитрія.

Значитъ, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозванства уже бродила въ умахъ, и на Бориса падало обвиненіе въ смерти царя Феодора и его брата царевича. Въ рассказѣ о Дмитріи Годунову отводится самая черная роль, и, наоборотъ, Феодоръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго мстителя. Это намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ рассказъ, и съ какою цѣлью онъ распространялся.

Поистинѣ, что, вступая на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, Борисъ такъ дорожилъ торжественною формальностью при своемъ избраніи и вѣнчаніи на царство, пышнымъ текстомъ избирательной грамоты, мелочною предусмотрительностью текста присяги, который кончался фразой, обрекавшей проклятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису. Требуя знаковъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, царь Борисъ, кажется, и съ своей стороны далъ имъ пѣвоторыя обещанія. Въ XVII вѣкѣ жили неопредѣленные объ этомъ воспоминанія, которыхъ пока нельзя ни отвергнуть, ни разъяснить. Такъ, рассказывали, что, «какъ-де Бориса выбрали на Московское государство, и онъ-де въ тѣ поры передъ вѣмъ парозомъ клялся, что ему другу не дружить, а недругу не мстити». Не простою подозрительностью и мелочностью вызваны были все эти предосторожности, по условіямъ воцаренія Бориса. Новый царь, вступая на царство, знаетъ, что не все одинаково желаютъ ему повиноваться.

Если же Борисъ достигъ престола при такихъ условіяхъ, то причина должна лежать въ такихъ чертахъ его дѣятельности, которая подкупали въ его пользу общественное мнѣніе. И, дѣйствительно, роль, выванная на долю Бориса въ государство, была чрезвычайно трудна, но симпатична. Судьбы страны попали въ его распоряженіе въ ту минуту, когда правительство должно было признать, что Московское государство и общество переживаютъ тяжелый кризисъ. Надобно было умиротворить страну, потрясенную подлитою Грознаго и экономическимъ разстройствомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ опустыненномъ центрѣ, устроить служилый людъ на его обезлюдѣвшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между различными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣйствуетъ Борисъ. При немъ правительство стремится употребить болѣе мягкіе приемы дѣйствія и обращенія. Самъ правитель Годуновъ хвалится тѣмъ, что водворилъ вездѣ порядокъ и правосудіе, что «строenie его въ землѣ таково, каково никогда не бывало: никто большій, ни сильный никакого человека, ни худого спотки не избодитъ». Разумѣется, это риторика; но очень знаменательно, послѣ оргій Грознаго, что правитель вѣдываетъ въ честь и заслугу себѣ гуманность и справедливость, приѣзжливость, мягкость и любезность Бориса въ личномъ обращеніи засвидѣтельствованы многими современниками. Особенно характерны для него одинъ жестъ, обратившійся у него въ привычку, — братья за жемчужный воротъ рубашки

и говорить, что и этою послѣднею готовъ онъ подѣлиться съ тѣмъ, кто въ нуждѣ и бѣдѣ. При своемъ вѣнчаніи на царство, Борисъ въ порывѣ чувства и, очевидно, неожиданно для всехъ исполнилъ свой обычай: схватился за «верхъ ермачицы» и сказалъ патриарху, что онъ «и сію послѣднюю раздѣлитъ со всеми». И можно думать, что «свѣтлодушіе» и обходительность Бориса не были только лукавою личиною. И какъ правитель, и какъ царь, онъ много поработалъ для бѣдныхъ и обиженныхъ. Онъ широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ слабыхъ, искоренилъ произволъ и безпорядокъ. Въ грамотахъ Борисова времени ярко выступаютъ его стремленія къ облегченію народныхъ тяготъ. Особенно ясно сказалося оно при воцареніи Бориса, когда онъ служилымъ людямъ «на одинъ годъ вдаруть три жалованья вельѣзъ дать», а съ земли со всей пикакихъ податей брать не велѣлъ, и гостимъ и торговымъ людямъ всего Россійскаго государства въ торгахъ повольность учинилъ. Трудно, конечно, рѣшать, гдѣ въ подобныхъ мѣрахъ копчались искренила и серьезная забота о народномъ благѣ, и гдѣ начиналась погоня Бориса за личнымъ успѣхомъ. Но не подлежитъ спору, что подъ управленіемъ Бориса, по согласному мнѣнію современниковъ, страна испытала дѣйствительное облегченіе. Русскіе писатели говорятъ, что въ вѣнчаніе царей Феодора и Бориса Богъ «благополучно время подаде»: московскіе люди «начаша отъ скорби бывшій утѣшатися и тихо и безмятежно жити», «свѣтло и радостно ликуютъ», «и всеми благими Россія цвѣтаетъ». Иностранцы наблюдатели также отмѣчаютъ, что положеніе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе усноканивалось и прибывало, уваженія при Грозномъ торговли расширялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ круто измѣнился къ лучшему.

Однако, волеженіе дѣлать было такъ сложное и запутанное, что его нельзя было привести въ порядокъ одною крѣпостью и щедростью. Слишкомъ далеко разошлись интересы разныхъ общественныхъ группъ, слишкомъ большая вражда легла между ними. Крупный и льготный землевладелецъ, монахъ-земледелецъ, средний и мелкій разоренный помещикъ, застарѣвшій на частной землѣ крестьянинъ, гуляшій человекъ, козакующій на полѣ, — все это взаимные недруги, которыхъ нельзя ни помирать, ни одновременно удовлетворить. Тройное жалованье однимъ, возвращеніе льготъ и тархановъ другимъ, прощенье недоимокъ и давай третимъ — это очень важныя, но не коренныя мѣры: онѣ облегчали, но не исправляли положеніе, не уничтожали вражды. И самъ Борисъ долженъ былъ понимать, что правительство не можетъ угодить всемъ одинаково. Для достиженія собственныхъ цѣлей, для поддержанія порядка въ странѣ и для сохраненія бзевыхъ своихъ средствъ оно должно было, не считая своего интереса съ интересами одной какой-либо общественной группы, поддерживать каждую изъ нихъ, когда ея стремленія совпадали съ правительственными, и, напротивъ, бороться съ ними, когда ихъ желанія не соответствовали правительственнымъ.

Какъ ни велико было желаніе Бориса завладѣть народнымъ расположеніемъ, все-таки положеніе въ какое онъ поставилъ себя по отношенію къ различнымъ слоямъ общества, далеко не всегда бывало примирительнымъ. Прежде всего въ отношеніяхъ къ княжеской знати онъ оставилъ въ силѣ и дѣлѣтнн ту систему Грознаго, которая была направлена противъ княжатъ, и которую мы въ просторѣчи зовемъ ея первоначальнымъ именемъ опричнины. Въ этомъ отношеніи Годуновъ оказался вѣрнымъ ученикомъ Грознаго и, продолжая отстранять отъ власти

«великородных» людей, давалъ ходъ «худороднымъ». Идея опричнины не умерла съ ея творцомъ. Если правительство Годунова не наследовало отъ Грознаго его ужасающей жестокости, то сохранило его подозрительное недоверіе къ обломкамъ старинной родовой аристократіи и держалось его обычая выбирать совѣтниками не по порядкѣ.

И въ земельной политикѣ Борисъ сталъ на сторону простого служилого люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Главный хозяйственный интересъ этого общественнаго слоя состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою свои земли, а на земляхъ—рабочее население. Земли уходили, главнымъ образомъ, за монастыри; рабочиye переывали тѣ же монастыри и представляли льготнаго «боярскаго» землевладѣнія; наконецъ, рабочее население и само умѣло ухаживать на новыя земли. Изъ двухъ заботъ—о землѣ и о рабочихъ людяхъ—правительство Бориса на первое мѣсто ставило заботу о людяхъ. Стремясь задержать и усадить население на частныхъ земляхъ и, въ особенности, на земляхъ простого служилого люда, правительство не отступало передъ мѣрами, направленными какъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ самого рабочаго населенія. Указами 1601 и 1602 года оно запретило крупнымъ земельнымъ собственникамъ «крестьянскую возку», то-есть перевозъ крестьянъ съ земель на земли, не запретивъ этого безусловно простымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, оно затруднило крестьянскій выходъ уже тѣмъ, что приняло за правило, особенно постѣ писцовыхъ книгъ «101 года» (т.-с. 1592—1593), считать старожильцами, лишеными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ книгахъ на тяглыхъ жеребьяхъ. Итакъ, будучи поставленъ между разнородными и взаимно противорѣчащими интересами различныхъ общественныхъ слоевъ, Борисъ достаточно опредѣленно сталъ на сторону общественной середины. Къ старой знати онъ питалъ неприязнь, наследованную отъ Грознаго и выросшую на почвѣ политической. Интересы трудовой массы онъ приносилъ въ жертву государственнымъ пользамъ, которыя отождествлялись съ интересами служилыхъ землевладѣльцевъ. Заботясь о поддержаніи хозяйства на служилыхъ земляхъ, онъ оказывалъ поддержку низшимъ рядамъ помѣстнаго служилого класса. Прощая дань и давая «повольность въ торгѣхъ», онъ всего болѣе покровительствовалъ высшимъ слоямъ тяглаго населенія, державшимъ въ своихъ рукахъ городскую торговлю и промыселъ. Въ этихъ среднихъ классахъ и слѣдуетъ искать сторонниковъ и поклонниковъ Бориса. Если бы въ общемъ строе московской жизни средніе классы занимали господствующее положеніе, политика Бориса опиралась бы на прочное основаніе. Но при жизни Бориса средніе слои общества еще не владѣли положеніемъ. Нослѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисовой династіи отъ крушенія, когда на нее встали верхъ и низъ общества: старая знать—по политической неприязни и крѣпостная масса—по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далье пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ, вслѣдствіе сильнаго неурожая. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта блага по цѣли мѣра принесла предъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву

шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться и дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало, и много народу умерло. Къ тому же и милостыню подавали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи, и въ одной Москвѣ, говорятъ, погнбло народу болѣе 127 тыс. Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропитаніе. Главную роль играли выгнанные своими господами во время Голода холопы. Борисъ приказывалъ такимъ холопамъ выдавать отпускы, освобождая ихъ отъ холопства, но это не помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли нигдѣ пристроиться. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойничковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году явился слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Всѣ историкъ болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія Самозванца активную роль сыграло московское боярство, враждебное Борису. Есть извѣстіе, что Борисъ прямо въ лицо обвинялъ бояръ, что это ихъ рукъ дѣло. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ жилъ во дворѣ у Романовыхъ в Черкасскѣхъ, а также и разсказъ о томъ, что Вас. Цв. Шуйскій впоследствии прямо говорилъ, что признали Самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса, и видѣть въ этомъ дѣлѣ продолженіе избирательной борьбы 1598 г. Эта возможность представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появленіи Самозванца появились въ Москвѣ какъ-разъ въ пору розыска о Романовыхъ, которыхъ обвиняли въ стремленіи себѣ «достать царство». Въ 1601 г. всѣ Романовы, пять братьевъ Никитичей, были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста. Вместе съ ними были сосланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Ситскіе, Шестуновы, Рѣвныны, Карповы. Немогли равне ошала постыла В. Бѣльскаго. Устраняя этихъ бояръ, Борисъ избавлялся отъ тѣхъ, въ комъ долженъ былъ видѣть не только недоброхотовъ его царству, но и соперниковъ, притязавшихъ на его власть. Сора и разрывъ съ Романовыми и ихъ родней поставилъ Бориса въ опасное положеніе тѣмъ, что лишили его партіи въ боярствѣ. Годуновы стали одиноки и потому слабы. Старая княжеская власть не признавала ихъ за своихъ, потому что придворная и чиновная карьера Годуновскаго рода создана была опричнинскими порядками московскаго дворца, направленными на погнбелъ этой старой знати. Придворная же знать новѣйшей формации, въ которой первенствовалъ родъ «Никитичей» Романовыхъ, и съ которой былъ друженъ правитель Годуновъ, отшатнулась отъ него, когда онъ овладѣлъ престоломъ. Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ пѣдрахъ этой оппозиціи, но всей видимости, зрѣла и мысль о Самозванцѣ. Не князей «великой породы» заодозрѣлъ Борисъ въ самозванческой интригѣ,—Шуйскихъ, Голицыныхъ, Мстиславскаго онъ не задумался поставить во главѣ войскъ противъ Самозванца,—а другой слой боярства, очевидно, тотъ самый, который онъ подвергъ опалѣ и ссылкѣ въ 1600—1601 годахъ. Преслѣдуя своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій кружокъ, къ которому самъ когда-го принадлежалъ, и остался въ еунности